

лось и обветшало, худо оно; но ты и переменить его не имеешь надежды» (48 неделя).

Таков этот «сочинитель» — автор второго по времени выхода сатирического еженедельника 1769 г. «И то и сьо».

2

С первых же страниц своего журнала Чулков рисуется необычайным для дворянской литературы персонажем. Его темы, образы героев, его сравнения, стилистические обороты характерно окрашены отношениями рыночно-торговыми, отношениями купли-продажи. В его мире «всякая вещь свою имеет цену» (1 неделя), все можно пересчитать и взвесить. Он дарит читателя своим журналом — «подарком невеликой цены», но требует отплаты за нее хотя бы в виде благодарности, ободрения. И как бы следуя удержанной про себя пословице «из благодарности шубу не сошьешь» — Чулков добавляет, что не отречется он и от денег, так как ему не заплачено еще за какие-то прежние труды. В конце 1 недели он заявляет:

«Мы люди не причудливые, не гоняемся за золотом и серебром, примем от тебя и медью, и докажем тебе, что мы благосклонны в то время, когда нам дают деньги».

Друг, у которого он занял деньги, не верит ему без расписки. Он не забывает упомянуть, что платил «собственные деньги» за пускание крови одуревшему от непосильной работы переплетчику, пытавшемуся собрать в один переплет разноформатные листки «Поденщины» (9 неделя). С парикмахером, у которого он хочет учиться премудрости, он должен порядиться, «сколько тот возьмет в месяц за учение» (1 неделя). В 15 неделе есть такой совет: «Впрочем, будь всегда умеренно весел и никогда не печалься, ибо и сточасовую печалью ни одной не наживешь копейки и не оплатишь долгу ни полушки».

По такому же тарифу оценивается Парнас, и вся литература, но уже не в прозе, а в стихах:

«Известие сие во первых я даю,
 Что авторство мое за деньги продаю:
 Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
 Три денежки рондо, а пять копеек драма,
 Елегия алтын, пять денежек сонет.
 Идиллия хоть грош, полушка за билет,
 Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды. . .»
 (Стихи на Семик.)

Сожалая о несчастной участи сочинителя, Чулков восклицает: «. . . Не имею ли я справедливой причины ненавидеть муз, Аполлона и всего Парнасса, из которых произошло всё мое несчастье. Я их любил, и любил бы завсегда, если бы они несколько были